

Ох, как им накласть на нас, бэби!

ФОТО ВИКТОРА СМОЛЬЯНИНОВА

55-летие великий и ужасный Александр Градский отметил примерно так же, как и свое прошлое 50-летие. Только оркестров нагнал больше. И пообещал, что это последний раз.

На сцене зала «Россия» был прямо-таки табор. Только очень дисциплинированный. Три оркестра — симфонический под управлением Симкина, народных инструментов имени Осипова и джазовый во главе с Бутманом — располагались так плотно, что контрабасисты стояли на головах у саксофонистов, а баянисты сидели на скрипачах. Плюс детский хор из города Клина, подтверждающий, что Великий и Ужасный в зрелом возрасте впал в некоторую сентиментальность.

Сам же Александр Борисович, наинезависимейший ковбой из старой рок-гвардии, упорно сопротивляющийся видимой буржуазности, был очень узнаваем. Весь в черном, в очках и с патлами до плеч, похожий скорее на какого-то героя Гофмана, он находился в центре музыкального собрания, окруженный пятью разными гитарами на разный случай.

Никто бы, собственно, не удивился, если бы он сыграл и на пяти сразу. В этот холодный хмурый вечер здесь собралось столько верных его поклонников всех возрастов (включая Александра Минкина и Андрея Караулова), что можно было бы и постараться. Впрочем, больше, чем делал Градский, сделать было трудно.

Своим громобойным самородным «народным» тенором, усиленным излишне чутким микрофоном, он, как обычно, то и дело прыгал на октаву вверх и обратно, поражая молодостью связок.

Начал, ударив стариков по печенкам, с песни «Как молодцы мы были», причем за роялем сидел не кто-нибудь, а Александра Пахмутова. Дальше пошел салат оливье с веселыми, но высокомерными шуточками юбиляра, желающего, как всегда, выглядеть самым раскованным:

— Шас высокие гости рассядутся... Ну, вы приготовились?

После Пахмутовой была ария Неморино из «Любовного напитка», Песенка Герцога из «Риголетто», Симкин отмахал увертюру из «Силы судьбы» (через микрофоны это было невыносимо).

На многочисленные первые букеты герой вечера отреагировал миленько:

— Я сам скажу, когда надо давать цветы. А то у нас теряется ритм концерта!

Можно было бы принять это за чистое хамство, если бы Градский не был известным мизантропом, матершинником (чем бравирует) и всеми признанным крупным талантом, которому прощается абсолютно все. Даже заведомо неряшливая концепция торжественного вечера, которую можно было бы отлить в слова так: «Плевать мне на всех на вас, я тут все купил, что хочу, то и делаю!»

Соответственно ей вместе с Кобзоном провалили дуэтом «Месяц на небе». Иосиф Давыдович в тон юбиляру заметил: «М-да, если бы мы поехали на Украину, второго тура там бы не было...»

— Оу, йес! — тут же возопил Градский, обозначив выход на сцену команды Бутмана с саксофоном. Начались медоточивые синатровские хиты, сменившиеся агрессивной куиновской «Шоу маст гоу он» с детским хором.

После игривой фразы «Иногда я тоже пишу симфоническую музыку» оркестр сыграл ни шаткий ни валкий вальсок, где саркастическая часть невольно придушила лирическую. Но раскатистое градское «Би май лав» вернуло концерт в русло хитов.

После «Памяти Карузо» замогильную тему продолжили вариации на «Вечерний звон» (коронка народного оркестра) и ресторанно-душераздирающая «Гори, гори, моя звезда!» всегда довольного собой певца. И «Соле мио», и «Нессун дорма» (убойная ария Калафа из «Турандот»), и «Иестердей», и «Нью-Йорк, Нью-Йорк» только подтвердили: Градский любит слить все сливки в одну вазу для фруктов разом.

Каков же будет апофеоз? «Дом восходящего солнца» вместе с буржуазным Макаревичем и барабанщиком группы Градского «Скоморохи» (заметьте, исторически первой рок-

группы в СССР!) закончился столь знаменательными словами «И бог здесь, я знаю, — только я!»

Что примерно подтвердил выход на сцену казаков в папахах (!) и президента Российской академии проблем обороны и правопорядка (или как-то так). Последний наградил «гениальнейшего соотечественника» Орденом Петра Великого I степени «золотым с бриллиантовой лентой».

Джаз завел туш. Народ обалдел окончательно. Настолько, что встал, когда Градский запел наподобие Жанны Бичевской царский гимн с видеоизмененными словами «Боже, нас всех храни!» Бутман ответил нестройным «Хэппи бездей», казаки орали «Любо!» Пожар в борделе.

— Ну что, устали? — спросил зрителей Градский, а времени было уж пол-одиннадцатого вечера. — Сходите в буфет, будет второе отделение.

Решившие, что он пошутил, ушли. Я и сама рыпнулась. Но меня удержали за рукав.

Один, совсем один остался на сцене Градский. Голенький, можно сказать. С аппаратурой, которой он весь вечер ворочал сам.

— Такая радость сознавать, что больше никогда не буду таких вечеров делать!..

(Приятненько слушать, да?)

И началось то, ради чего пришли — золотые песни самого Градского, человека не то кабацкой, не то королевской складки. Всегда стоявшего особняком. Гордого в своей непризнанности рокером номер один в России и тенором номер один в мире. «Я не являюсь героем в этой стране, наблюдая за суетой со стороны». Пел про подцензурные, как теперь выражаются, СМИ: «Ах, мразь телевизионная, радийное мурло!» И про власть — помните этот бессмертный блюз? «Им всем накласть на нас, бэби, ох, как им накласть!»

Кредо осталось прежним: «самовыражаться, не ожидая перемен». Перемены мы уже проходили. Некоторые тинейджеры старика Градского, уроженца города Копейска Челябинской области, уже и не знают. Оглянись, незнакомый прохожий, это уже снова можно петь: «А морда просит кирпича, ах, у Ивана Лукича». А вы говорите Шнур там какой-то...

Наталья ЗИМЯНИНА

Веч. Москва - 2004 - 5 нояб. - с. 10